

— Изувечивание? — переспросил Коу Дун.

— Калечение ради наживы, — объяснил Е Яньчжи. — В трактате «Цин бай лэй чао» подробно описано, как создавали людей-медведей и людей-змей. Похитители заставляли детей выбирать деревянные фигурки: слепых, хромы, калек. А затем уродовали их в точности по этому образцу. Несчастных отправляли просить милостыню, чтобы набивать карманы их мучителей. Это цитата из книги.

Он окинул взглядом собравшихся и тихо вздохнул.

Мужчина тем временем обходил детей одного за другим. Сегодня, не считая новоприбывших вроде Коу Дуна, почти каждый выложил хотя бы по несколько монет. Но вожак всё равно оставался недоволен. Его взгляд так и шарил по рядам забытых, серых оборвышей. Замечая этот взор, дети испуганно сжимались и старались незаметно отступить назад.

— У кого меньше всех? — зловеще процедил мужчина.

В толпе началось шевеление. Малыши испуганно переглядывались, а затем медленно расступились, оставляя одного из них стоять в одиночестве.

Это был на редкость худой, хлипкий мальчишка. Он весь дрожал. Наверное, из-за заурядной, даже уродливой внешности — крошечный нос, узкие глазки — он не вызывал у окружающих ни малейшей жалости.

Он попытался было спрятаться обратно в толпу, но кто-то аккуратно, но твёрдо толкнул его в спину, выставя напоказ.

Сплюнув на пол, мужчина зашагал к нему.

— Говори, — грубо рявкнул он, — сколько принёс?

Вожак не отличался богатырским сложением, но рядом с этим заморышем казался великаном. Мальчик выглядел как мокрый цыплёнок, перепуганный и жалкий. Спрятав руки за спину, он пролепетал едва слышным, хриплым голосом:

— Три... три медные монеты.

— Три монеты?!

Мужчина издевательски расхохотался, будто услышал невероятно смешную шутку, и, схватив мальчишку за шиворот, вздёргнул его в воздух.

— Вы слышали? Три жалкие монетки!

В комнате стояла мёртвая тишина. Никто не смеялся. Лишь спустя мгновение один из детей неуклюже выдавил:

— Ха... ха-ха...

Этот натянутый смешок послужил сигналом. Остальные наперебой принялись хохотать, заискивая перед хозяином.

— Всего три монеты? Какое убожество!

— Да любой дурак на улице выпросит больше!

Кто-то даже ткнул в мальчика пальцем и крикнул:

— А может, он утаил деньги? Он вылитый воришка!

— Вор!

— Ничтожество!

Голоса становились всё громче. В детском щебете сквозила такая откровенная, неприкрытая злоба, что Коу Дун невольно поморщился. Он покосился в сторону: Сун Хун тоже выглядел удручённым, с отвращением глядя на эту жестокую ораву.

— Нет... это не так... — сквозь слёзы выдавил обвиняемый, не в силах связать и пары слов.

Вожак даже не взглянул на него, обращаясь к остальным:

— Ну что, послушные мои, как его накажем? Что ему причитается?

— Деревянную фигурку! — хором взревели дети. — Фигурку!

Под этот дикий гул мужчина выудил из-за пазухи потрёпанный холщовый мешочек. Приоткрыв его так, чтобы осталась лишь узкая щель, он сунул его под нос мальчишке.

— Выбирай.

Руки мальчика ходили ходуном. Он долго не решался опустить пальцы внутрь.

— Живее! — поторопил вожак. — Будешь телиться — я сам выберу тебе собачью голову. Думаю, на твоих плечах она будет смотреться отлично.

— Нет! — вскрикнул мальчик.

Давление страха было столь велико, что даже Коу Дун, стоявший поодаль, почувствовал волну его ужаса. Мальчишка побледнел, его зрачки сузились.

— Я вытащу, сам вытащу!

Наконец мальчик запустил руку в мешок.

Он долго и мучительно перебирал содержимое; мешочек раздувался от лихорадочных движений маленьких пальцев. Наконец он вытащил находку.

Это была грубо вытесанная деревянная фигурка, усыпанная острыми занозами. Вытягивая её, мальчик сильно порезал палец об один из неотесанных краёв.

Капля крови мгновенно впиталась в древесину.

У фигурки было всё: голова, конечности, даже подобие лица.

Но мальчика заколотило с новой силой. Он медленно повернул деревяшку к себе спиной и разглядел вырезанный на ней иероглиф: «Крыса».

— Какая жалость, — ухмыльнулся мужчина, хотя взгляд его оставался ледяным. — Ты слишком тощий. Хорошей «красавицы-мыши» из тебя не выйдет. Так, сушёный мышонок.

Он брезгливо швырнул куклу на пол.

Глаза мальчика на мгновение вспыхнули робкой надеждой.

— Но раз уж ты сам её выбрал, — хохотнул вожак, — так и быть, исполню твою волю.

В комнату вошли двое крепких мужчин. словно сухие ветки, они заломили мальчику руки за спину. Тот закричал — в этом отчаянном, полном ужаса вопле было столько муки, что у Коу Дуна мурашки побежали по коже. Лица остальных детей тоже исказились от страха.

Но никто не шевельнулся.

Крики несчастного затихли где-то в коридоре. Стоило мужчинам уйти, как в комнате вновь воцарилось молчание.

Тяжёлое, удушливое молчание, от которого стыла кровь.

Коу Дун тихо спросил:

— Что с ним сделают?

— Разве ты не слышал? — отозвался Сун Хун. Голос его слегка дрожал. — Превратят в «Красавицу-мышь».

— В «Красавицу-мышь»?

— Ты никогда не видел такого? — Сун Хун с трудом сглотнул слюну. — У входа... Я думал, ты заметил ту змею.

Слово «змея» далось ему с видимым трудом.

Коу Дун, конечно, заметил её у дверей. Тогда это показалось ему просто странным уродством, но теперь, связав это с жутким прозвищем, он почувствовал, как к горлу подкатывает тошнота.

Немного помолчав, он спросил:

— Это был человек?

Сун Хун угрюмо кивнул.

— Но как вообще можно...

— Начинают с самого детства, — коротко пояснил тот, явно не желая вдаваться в подробности. — Ломают суставы, выворачивают кости, а потом с помощью горячего масла и крови приращивают шкуру животного к телу... Со временем швы затягиваются, и границ уже не разобрать.

От этой противоестественной жестокости физически мутило.

— В этот раз мы точно угодили в волчье логово, — прошептал Сун Хун.

Когда солнце коснулось горизонта, в комнату швырнули грязную корзину с чёрствыми, серыми лепешками. Дети с диким ревом бросились делить скудную добычу. У Коу Дуна не было аппетита. Он остался сидеть в самом углу, даже не думая ввязываться в драку за еду.

Сейчас он выглядел как обычный ребёнок, хотя черты лица почти не изменились: только глаза казались огромными, бездонно-чёрными, губы алели, а щёки округлились, отчего он казался куда покладистее и милее, чем во взрослом возрасте.

Даже зная, что перед ним бывалый и весьма непредсказуемый игрок, Сун Хун невольно почувствовал прилив необъяснимой отцовской нежности к этому хрупкому созданию.

«С таким личиком... ради него хочется горы свернуть и моря осушить», — подумал Сун Хун.

— Тебе нужно поесть, — мягко уговаривал он. — Кормят тут наверняка раз в день. Не поешь сейчас — завтра ноги протянешь.

Коу Дун брезгливо покосился на засохший хлеб.

— Не буду.

Ему не хотелось отбирать кусок у вечно голодных сирот. К тому же его не покидало странное ощущение фальши.

Действительно ли суть этого испытания сводится к банальной банде работорговцев-калек?

Сун Хун упомянул, что А-Сюэ тоже затянуло в этот мир, но их разбросало на старте. Коу Дун догадался об этом ещё тогда, когда резко заткнул толстяка, не дав тому выдать их настоящие имена. Поняв намёк, он сопоставил факты.

А-Сюэ наверняка тоже всё поняла, но не подала виду и не бросилась к ним. Это молчание заставляло Сун Хуна понервничать.

Но Коу Дун не переживал.

Они общались с девочкой недолго, но этого времени вполне хватило, чтобы оценить её острый ум. Собранная, холодная, не паникующая в критических ситуациях — такие выживут везде и добьются своего.

Он посмотрел на хмурого Сун Хуна и честно признался:

— По-моему, она соображает получше твоего.

Сун Хун промолчал. На его обычно суровом лице отразилась горькая обида. Не найдя достойных аргументов, он выдавил:

— Зато у меня багаж знаний богаче. Я вообще-то в аспирантуре учусь! И не где-нибудь, а в одном из лучших вузов страны!

Конечно, последнюю фразу он благоразумно оставил при себе, чтобы не нарушать правила игрового мира.

Коу Дун посмотрел на него как на умалишённого, а через пару минут молча поднялся и пересел подальше.

— Ты чего? — удивился Сун Хун.

— Боюсь заразиться твоим академическим пафосом, — невозмутимо отозвался Коу Дун. — Я ведь простой необразованный троечник.

Сун Хун заскрежетал зубами. Вроде звучит как шутка, но из уст этого парня любая невинная фраза отдавала чистым ядом.

Вдруг Коу Дун прижал палец к губам, призывая к тишине, и прислушался. Сун Хун мгновенно подобрался, обратившись в слух.

Из-за тонкой деревянной двери доносились приглушённые голоса мучителей. Судя по звукам, стража у входа ушла вглубь двора пить вино.

Лучшего момента для расспросов не найти.

Оба тут же принялись прощупывать почву среди местных детей. Сун Хун полагал, что разговорить малышня не составит труда, но быстро наткнулся на глухую стену. Дети упорно молчали, не желая выдавать ни единой крупички информации.

Стоило расспросить подробнее, как маленькие оборвыши замыкались в себе, награждая его подозрительными, колючими взглядами.

Сун Хуна за всю жизнь никто так не разглядывал — его честному, открытому лицу обычно доверяли. Он даже невольно пощупал макушку, подозревая, не превратился ли за пару часов в лысеющего подозрительного типа.

После нескольких неудачных попыток одолеть сопротивление детей Сун Хун окончательно приуныл.

Эти сироты были как закрытые раковины. Но странно: они то и дело косились куда-то ему за спину, в правый угол комнаты.

Решив выяснить, в чём дело, Сун Хун обернулся и застыл от изумления.

Коу Дун, сидевший с самым невозмутимым видом, был буквально облеплен детьми. Он сидел посреди этой толпы с лицом круглой розовой пышки, лениво слушая их робкие излияния. Остальные смотрели на него снизу вверх с таким благоговением и восторгом, будто перед ними явилось божество.

В этот момент Коу Дун выглядел так, словно только что короновался в этих убогих стенах.

Сун Хун потрясённо захлопал глазами. Пробравшись ближе к Коу Дуну, он шепнул:

— Как тебе это удалось?

Коу Дун хотел было показать ему свой старенький кнопочный телефон — хоть аппарат и древний, но на нём сохранились классический «Тетрис» и «Змейка». Вкупе с его врождённым талантом вызывать симпатию у всех вокруг этого нехитрого арсенала хватило с лихвой, чтобы подчинить себе изголодавшихся по ласке детей.

Но Сун Хун сам нашёл объяснение:

— Неужели в тебе проснулся материнский инстинкт?

Коу Дун медленно повернул к нему голову:

— Что?

Сун Хун, кажется, сам поверил в свою теорию и глубокомысленно кивнул:

— А что, звучит логично.

У Коу Дуна задёргался глаз.

— Ты совсем сдурел?

<http://bllate.org/book/18984/1960858>